

ЭНТОНИ САЙМСКИ

ТИХИЙ СТАРЫЙ ДОМ

записки караванщика

Skleněný
můstek
2016

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Anthony Saimski 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-109-9

Записки караванщика

Тихий старый дом

Тягучую тишину тёплого вечернего воздуха нарушал лишь мерный скрип стальных деталей и усталое сопение упряжки мулов. Плотные, резиновые гусеницы грузовой повозки повторяли свой бесконечный бег, оставляя в горячей пыли отпечаток глубокого протектора.

Мы были в пути вторую неделю, и большая часть маршрута осталась позади. Не смотря на то, что караван шёл по одному из самых безопасных маршрутов, Илья Столяров – наш стрелок, стоял у старого ДШК, затянутого брезентовым пыльником. Вечно суровое лицо этого молодого парня сейчас было совершенно спокойным и отрешенным. Сложив свои могучие руки на пулемёте, он опустил на них голову и смотрел на большой, желтый диск солнца, медленно опускающийся к линии горизонта.

По обеим сторонам от нас бежали полосы выгоревшего кустарника. Видимо, ещё до Великой Катастрофы, здесь проходила полноценная асфальтовая дорога. А эти переродившиеся, причудливо изогнутые колючки тогда были самыми настоящими лесопосадками, которые сейчас лично я встречал лишь на севере.

Бескрайнее синее небо над головой было перечеркнуто ржавыми балками каркаса телеги, грубо, но надёжно сваренного из металлических труб. Я уже очень долго смотрел сквозь них на прекрасное полотно небосвода. Казалось, что мысли останавливают свой суматошный бег, приходя в абсолютную гармонию с окружающей пустотой вечерней степи.

Можно было добавить немного фантазии и представить себя несчастной жертвой, оказавшейся в брюхе неведомого монстра. Монстра с прозрачной кожей, и ржавыми рёбрами, которые поблескивали металлом лишь в том месте, где об них терлись грубые веревки, растягивающие тент.

Я сидел в кузове головной упряжки. Косые лучи садящегося солнца пробивались сквозь щели между неотесанными досками, вспыхивая желтыми бликами на стальных деталях генератора, стоящего рядом со мной. Около него были закреплены сложенные солнечные батареи, ящики с инструментами и десяток аккумуляторов. Ближе к возвышающейся в центре турели Столярова находились большие пластиковые бутылки с питьевой водой, бережно проложенные грубым войлоком и стянутые кожаными ремнями. Прямо за моей спиной расположились тюки с разобранными юртами, посудой и полевой кухней.

Я немного приподнялся и, перегнувшись через край борта, по-

смотрел вниз. Последняя из пяти ступенек деревянной, криво сколоченной лестницы, казалось буквально парит над пыльной поверхностью дороги.

Просвет между верхним ярусом, на котором я сейчас находился, и нижним был затянут тентом. Впрочем, тентом это можно было назвать с трудом. Скорее большим лоскутным одеялом, сшитым из обрывков брезента.

Тягучий вечерний степной воздух был заполнен стрекотом тысяч насекомых, прячущихся в мелкой выгоревшей траве. Казалось он был на столько прогрет солнцем, что стал сравним с жидкостью, которая с каждым вдохом заполняла легкие, а потом вытекала тоненькими струйками через нос, обжигая грудь.

Я ещё не бывал в этих краях. Обычно я ходил в караванах Виктора Москвина – замечательного купца, который превосходно сочетал в себе деловую хватку и превосходное чувство юмора. Но в этот раз случилась беда и Виктор поймал пулю во время дерзкого бандитского нападения прямо на подъезде к Оренбургской заставе. Всё обошлось относительно благополучно, и он остался жив, но ранение было достаточно серьезным, так что купец был вынужден остаться в тамошней здравнице на пару месяцев.

В силу того, что мои обязательства по договору были выполнены, я решил не терять времени даром и нанялся на этот караван, рассчитывая вернуться в Оренбург как раз к выздоровлению Москвина, что бы заключить договор на обратный путь. Не смотря на то, что через заставу проходило множество торговых путей, поселение было небольшим. Домов триста, может четыреста.

Сам же Оренбург находился в десятках километрах западнее заставы. И несколько вечеров я, поднявшись на высокую стену периметра, наблюдал за тем как ярко-красное степное солнце садится за очертания разрушающихся домов. Их обугленные, черные контуры, напоминали мне уродливые зубы, торчащие из не менее уродливой челюсти какого-то неведомого существа.

Местные зазывалы несколько раз усердно пытались завлечь меня в рейдовый отряд на зачистку руин и сбора полезных материалов, но я каждый раз отказывался. Ведь в каждом деле были свои хитрости и тонкости. Для зачистки руин городов надо было обладать одними навыками, оружием и экипировкой, а для охраны караванов совершенно другими...

Я потянулся. Превосходные сандалии, качественно выполненные из толстой кожи с закрытым носком и пяткой, уперлись в рюкзак с моими личными вещами. Сменная одежда, бритвенные принадлежности, несколько ремней, набор инструментов для мелкого ремонта, нож из

хорошей стали, кожаные чуни, пропитанные клейковиной, чтоб не пропускать воду. Три десятка патронов для дробовика, спички и прочие мелочи были компактно уложены в этот плотный нейлоновый рюкзак, усиленный вставками из грубо выделанной кожи.

Это было то небольшое, что принадлежало лично мне, а не Анарбеку Уджаеву – купцу, ведущему этот караван. Я всегда старался выбирать нанимателя учитывая не только финансовую выгоду, но и возможность узнать что-то новое. За всю неделю, что я провел на заставе, Анарбек был третьим купцом, который был вынужден искать замену своих людей. По дороге одного из его охранников подкосило сильнейшее пищевое отравление. В силу этого он был вынужден оставить караван и отлёживаться в здравнице.

Долгие переговоры были Анарбеку не свойственны. Он задал пару общих вопросов и не более того. Так же спросил про то, насколько я хорошо обращаюсь со своим дробовиком. Потом сощутив свои и без того узкие, азиатские глаза, довольно кивнул, предложив за работу двадцать монет и двух разовое питание за его счет. Я согласился, потому что на заставе было откровенно скучно и ничего более выдающегося вряд ли стоило ожидать.

Может, когда мне стукнет пятьдесят, если я, конечно, доживу до этого момента, мою голову станут занимать мечты о том, чтобы вернуться в свой родной дом и проводить дни напролет за рутинной работой. Но сейчас такой вариант меня абсолютно не устраивал. Вокруг меня был огромный и удивительный мир, в котором было столько всего интересного. Именно так я оказался в караване, забирающимся дальше вглубь огромной территории, которая когда то именовалась Западным Казахстаном.

Один из мулов нашей упряжки недовольно зафырчал и задрал толстую башку со спиленными рогами. Тут же последовал окрик погонщика из кабины старого грузовика, закрепленной в голове телеги.

Эти могучие, переродившиеся после Катастрофы животные прекрасно выучили распорядок своего трудового дня. И, словно чуя скорую остановку на ночлег, всё чаще и чаще поднимали головы, издавая усталые хрипы.

Меня всегда поражала их выносливость. Мулы могли тянуть нашу двадцати четырех метровую, двухъярусную телегу на протяжении десятка часов, не сбавляя и не увеличивая скорости. Их задние могучие копыта, толщиной с человеческий торс, размеренно шагали по пыльной дороге, оставляя отпечаток огромной подковы. Переродившиеся хвосты быков напоминали хвосты ящериц, только с длинным гибким отростком в пару метров, на конце которого была плотная лепешка свалывшегося меха. С его помощью мул убивал особо надоедливых насе-

комых, ползающих по своей шкуре. Зато передние копыта мула были в несколько раз меньше, и животное пользовалось ими только для того, чтобы поддерживать вес тела, когда щипало траву перед вечерним сном.

Иногда я задумывался над тем, как же сильно всё изменилось. Ведь раньше всё было не таким. Но каким? Я всегда видел мулов именно такими, и для меня это были вполне обычные животные, ничем не выделяющиеся. Разве что всё равно поражающие своей выносливостью.

Родители мне показывали старые книжки с картинками, сохранившиеся ещё со времен Большого Мира, не тронутого Великой Катастрофой. Там были нарисованы коровы, африканские буйволы, бизоны. Странные животные, стоящие на четырех копытах вместо двух. Для меня это было очень непривычным.

А вот упряжка мулов, тянущая нашу повозку через пыльную степь, вполне привычная и обычная.

Я, конечно, и раньше видел мулов, но тут они были какими-то особенно огромными. И, как мне казалось, особо неспешными. Словно вся эта однообразная картина плоской, иссушенной солнцем степи и тёплый тягучий воздух замедляли в них все процессы, и они никуда не торопились.

Я ещё раз потянулся и поправил дробовик. Компактное оружие с затертыми до блеска деревянными деталями и старой маркировкой «ИЖ МР 133» не раз спасало мне жизнь. Впрочем, компактным его сделал ещё мой дед, спилив приклад и часть ствола почти под самое цевье. Таким образом, получился очень удобный дробовик, который был прост в обращении. Особенно в зданиях или замкнутых пространствах.

Для прицельной стрельбы на дальние дистанции он, конечно, не годился. Но для этого на караванах всегда стояло несколько пулеметов, и занималась пара отличных стрелков с нарезными карабинами и винтовками. Моя же работа заключалась совершенно в другом. А на данный отрезок времени в том, что бы просто созерцать окружающий меня мир.

Но по условиям договора оружие должно было быть со мной всегда, даже если в нем нет явной необходимости. Впрочем, даже без договора, дробовик и так стал неотъемлемой частью меня самого. Всегда висящий вдоль тела на старом дедовом нейлоновом трехточечном ремне и готовый к использованию в любую секунду. Ничего не поделаешь, таким стал мир после Великой Катастрофы. Людей осталось мало, они стали добрее друг к другу, учтивее, внимательнее... Только при этом всегда держали палец поближе к спусковому крючку.

Местность вокруг отлично просматривалась, так что вряд ли кто-нибудь смог бы подойти к нам незамеченным. Единственное время,

когда действительно стоило усилить бдительность – это ночное дежурство на импровизированном периметре. Когда повозки составлялись в круг прямо посреди степи, защищая уставших за день животных и людей от возможной пыльной бури или другой природной опасности. Главное в такой момент – не проморгать какого-нибудь ночного хищника, привлеченного запахом еды, светом фонарей и человеческими головами.

Насколько я понял, больше всего стоило опасаться перерожденного корсака – степной лисы. Уж слишком страшные вещи про него рассказывали местные старожилы. Что ж, в каждом крае был свой легендарный зверь. Я как-то больше привык опасаться медведей. Но история учила нас, что надо относиться без страха, но с уважением к любому существу, которое встречаешь на своем пути.

Так что в целом работа действительно была не пыльной и вполне стоила своих двадцать монет.

Но был и небольшой минус. Это окружающие умиротворение слишком успокаивало нервы. А если охраняешь караван, то всегда должен быть не чеку. Именно поэтому я невольно схватился за оружие и сильно перегнулся через край дощатого борта, когда раздался окрик Столярова:

– Человек! Впереди человек!

Услышав резкие окрики, мулы недовольно зафырчали. Я сощурил глаза и приложил руку ко лбу, закрываясь от теплых лучей вечернего солнца. Надо сказать, что глаз у Столярова был очень зорким. Мне пришлось потратить пару минут на напряженное вглядывание в пыльное полотно дороги, прежде чем заметил небольшую темную точку.

– Сколько их там? – высунулся из ржавой кабины грузовика погонщик, поправляя перекинутый через плечо патронташ.

– Один. – буркнул Илья. Его лицо вновь обрело сосредоточено-хмурое выражение.

Я нагнулся к рюкзаку и тоже достал из него ременной патронташ с двумя десятками патронов двенадцатого калибра. Столяров спокойно развернул ствол ДШК по направлению движения, но пыльник снимать не стал.

– Что за человек хоть? – спросил я, набрасывая патронташ на плечо и поднимаясь со своего места.

– Не знаю, – ответил здоровяк. – Не видно пока. Но это точно человек.

– Один?

– Угу.

Я встряхнулся. Лучи вечернего солнца действовали слишком уж успокаивающе, что способствовало явному снижению бдительности. И

хоть я и не думал, что впереди нас ждут какие-либо неприятности, род моей деятельности обязывал быть готовым ко всему.

Время тянулось неимоверно медленно, словно взятое под контроль неспешным степным вечером. Тёмная точка человека медленно приближалась, увеличиваясь в размерах. Со временем стало отчетливо видно, что это одинокий путник. Похоже, он тоже давно заметил караван, и остановился, дожидаясь его приближения. На нём была широкополая шляпа и длинный, почти до земли, выгоревший плащ. Рядом с путником на земле стоял потрёпанный рюкзак, а в руках была крепкая палка, которую он, видимо, использовал как трость.

Мулы замедлили свой шаг и телега стала понемногу останавливаться. Я посмотрел назад и увидел, как снижает скорость весь караван из десяти повозок. Судя по открывающейся дверце кабины, на следующей за нами двухъярусной телеге, сам Уджаев решил посмотреть на путника.

Я поправил патронташ и проворно спустился на землю, как только оси колес перестали поскрипывать.

Именно за это я и любил свою работу. Потому что всегда можно было встретить интересных людей и повидать много чего любопытно-го.

Уджаев был своеобразным купцом. И хоть в целом он делал всё то же, что и любой другой, в его исполнении это выглядело как-то по-особенному. Так, например, Москвин никогда бы не остановил караван, встретив одинокого путника. Скорее прикрикнул бы с высоты повозки, чтоб тот посторонился и не делал резких движений. Анарбек же наоборот, всегда рад был остановиться и поговорить с каждым встречным. Я списал это на то, что места здесь достаточно пустынные и подобные встречи – большая редкость. К тому же, меня самого разбирало любопытство увидеть человека, который смог так далеко забраться в степь на своих двоих.

Для верности и по привычке, я держал руку на дробовике. И хоть оружие и висело вдоль тела, что могло вызвать иллюзию того, что я не готов его использовать, это было далеко не так. За долгие годы я неплохо приноровился стрелять из него навскидку, почти от бедра. Главное было оказаться на эффективной дистанции до цели.

Впрочем, что-то мне подсказывало, что необходимости стрелять не возникнет. В десятке метров от головной телеги стоял старик. Не такой немощный дряблый старик, который уже ничего не соображает и не может выйти на улицу без посторонней помощи, а очень крепкий и достаточно высокий старичок.

Густые седые волосы выглядывали из-под его широкополой шляпы и падали на засаленный воротник плаща. Сам же плащ был рас-

стегнут, и под ним торчала поношенная легкая рубашка, заправленная в камуфляжные брюки. На широком ремне был закреплен нож и пара нейлоновых подсумков. На ногах старика были удобные сандалии.

Если честно, я всегда подозрительно относился к людям в длинных плащах, особенно если встречал их на пути каравана. Ведь под подобной одеждой можно было спрятать всё что угодно. При должной сноровке даже гранатомёт. А во всём этом облачении путник напоминал какого-то ковбоя из старого кино. Для полного сходства ему не хватало разве что пары револьверов и лихого скакуна.

На всякий случай я положил палец на скобу дробовика и приветливо поднял левую руку. Старик спокойно кивнул. Его узкие, прищуренные глаза внимательно меня изучили. Я двинулся к нему, обходя его по небольшой дуге, чтобы просмотреть участок земли за его спиной.

Ко мне присоединился ещё один охранник-казах с укороченным Калашниковым в руках, обходя путника с другой стороны.

Всякое бывало. Не исключено, что, не смотря на отлично просматривающуюся местность, где-нибудь рядом лежит целый отряд бандитов, прикрытых брезентом и присыпанных землей и обрывками травы.

– Ас-салям алейкум, почтенный, – с очень своеобразным акцентом, произнес подходящий к нам Уджаев.

– Добрый вечер, – кивнул старик. Голос его звучал спокойно.

Я бросил быстрый взгляд на купца. Приветливая улыбка украшала его широкое, азиатское лицо. Но, не смотря на это, он не спешил приближаться к незнакомцу, засунув большие пальцы под ремень брюк, поправляя его под складками нависающего живота.

За его спиной из открытых дверей ржавой кабины телеги выглядывали наш погонщик и ещё один охранник, держащий в руках старый добрый «АК-74». Рядом с каждой повозкой каравана так же спустилось по одному охраннику, и они осторожно двинулись к редким, скрюченными стволами изменённых деревьев. За одной из турелей блеснул отчетливый зайчик оптического прицела.

Следом за Анарбеком следовал его логист Азамат Бикашев. Это был высокий, немного худощавый мужчина средних лет, который всегда был чем-то недоволен. Светлая рубаша, украшенная национальным узором, была выпущена поверх камуфляжных брюк песочной расцветки.

На бедре был пристегнут пистолет, а подмышкой зажата грубая коричневая папка, полностью набитая бумагами. Ещё Азамат всегда носил небольшую тибетейку, всё с тем же национальным узором, что и на рубаше. Тибетейка была порядком потасканной, с толстым, засаленным кантиком. Причем носил он её на затылке, и у меня иногда складывалось впечатление, что у него туда вбит гвоздик. Потому что другого

объяснения тому, почему тубетейка не сваливается с его головы, я не находил.

Тем временем Уджаев остановился в паре метров от старика, и, смотря куда-то вдаль мимо его плеча, сказал:

– Не сочти за неуважение, но есть ли при тебе оружие или что-то, что может нам угрожать?

– Нет, – хмыкнул старик.

– Тогда, чтобы мне быть спокойным, мы осмотрим твои вещи. Знаешь же, что так надо?

Старик молча кивнул и развел руки в сторону, не сходя со своего места.

Анарбек сделал еле заметный жест головой второму охраннику, и тот, закинув автомат за спину, быстро прохлопал обе штанины старика.

Облачка пыли поднимались от одежды в том месте, где её касался охранник. Парень пробежался по рукавам и штанинам, отогнул и заглянул за обе половинки плаща, потом опустившись на колено, заглянул в рюкзак.

Всё это время старик, вернув руки в их исходное положение, спокойно следил за всем происходящим.

– Ничего необычного, только нож, – кивнул охранник, отходя от одинокого путника.

– Долго идёшь уже?

– Очень долго, – улыбнулся старик, поудобней опираясь на свою трость.

– Далеко так забрался, зачем?

– Иду повидаться со старым другом.

Улыбка старика стала совсем еле заметной, словно спряталась в уголках его тонких, заветренных губ.

– Друг ждёт, что придешь? – Анарбек перевел на него взгляд.

– Я очень на это надеюсь, – кивнул путник.

– Долго тебе ещё идти? До ближайшего поселения дней пять пути, – хмыкнул купец с такой интонацией, что было непонятно, вопрос это или утверждение.

– Мне туда не надо, мне дальше, в степи.

– Дальше в степях нет ничего, только руины, – недовольно буркнул Азамат.

Судя по выражению его лица, старик ему явно не нравился.

А лично мне стало очень любопытно узнать о нём как можно больше.

Уж больно интересные у старика были глаза. Не смотря на спутанные седые брови и глубокие морщины, испещряющие всё его лицо, в глазах ещё не угас тот самый блеск сильного человека. Я редко встре-

чал такой взгляд, поэтому сейчас, в глубине души, надеялся, что Уджаев проявит человеческие качества и возьмет этого одинокого путника с собой.

Но вмешиваться в разговор я не мог. Контракт не позволял высказывать своё мнение, если только оно не касалось моих прямых обязанностей. Да и местные обычаи тоже не приветствовали подобное поведение.

– Вода. Наверное, вода нужна. Пить хочешь? – спросил Уджаев, перестав поправлять ремень.

– Да, что верно, то верно. Мои фляги почти пусты, – кивнул старик, и сглотнул пересохшим горлом.

– Азамат, воды налей ему. И еды дай тоже, – распорядился купец.

– У нас всё точно посчитано, – недовольно буркнул логист. – Лишней воды нет.

– Я знаю что есть, а что нет, – повернулся к нему Уджаев и потряс ладонью в воздухе, призывая его как можно быстрее выполнять данное распоряжение. – От пары фляг не обеднеем же, что ты мне говоришь.

– Ну, может, и не обеднеем, – продолжил настаивать на своем Азамат. – Но если будем каждого встречного поить, самим не хватит.

– Слушай, делай что говорю, – улыбнулся Уджаев. – Ты молодой ещё. Видишь человек почтенного возраста, сам так далеко зашёл, видимо дело серьезное у него. Уважай других. Наши предки уже утратили уважение друг к другу и всё обернулось Великой Катастрофой. Вся земля погибла. Правильно же говорю?

С последними словами он посмотрел на старика.

– Абсолютно верно, – кивнул тот.

– Вот и хорошо же, давай фляги, – кивнул Анарбек.

Азамат, явно подавив сильное раздражение, сделал шаг к старику. Насколько я заметил за всё время нашего пути, логисту очень не нравилось когда его называли «молодым», а особенно публично подчеркивали какие-то его ошибки в общении. Но что поделать, в силу своего постоянного, необъяснимого раздражения он и правда часто говорил и делал лишнее.

Зато как логист был просто великолепен, тут не поспоришь. Всё было посчитано и перепроверено на несколько раз. Расход ресурсов строго нормировался. Даже животные получали отдых с таким расчетом, чтобы не допустить переутомления. И Азамат лично следил за этим, хотя мог вполне довериться опыту погонщиков.

– Давай. Фляги давай, – сухо сказал он.

– Спасибо тебе большое, славный купец. Здоровья тебе и мир твоему дому, – ответил старик и откинул одну половинку плаща.

Я невольно напрягся, уж больно хорошее и заученное было у ста-

рика движение. На какую-то тысячную долю секунды мне показалось, что сейчас закатное солнце блеснет на затертой детали пистолета и жди беды.

Словно заметив мою реакцию, старик замедлил руку и убрал плащ уже значительно медленнее. На пояском ремне висела всего лишь пластиковая зеленая фляга.

– Великую Катастрофу застал, видел же? – спросил Уджаев, посмотрев на то, как Азамат почти выдернул протянутую флягу из рук путника.

– Да, – кивнул старик, склоняясь над рюкзаком и доставая из него пустой бурдюк из шкурки какого-то местного степного зверька. – Но я был совсем маленьким, практически ничего не помню.

– Плохо, – протянул купец.

– Чего плохого-то? – недовольно спросил Бикашев, столь же резко забирая бурдюк и направляясь назад к каравану.

– А то, что скоро не останется людей, которые бы её помнили. Да уже же не осталось почти. Опять забудем всё, чему научились. Опять молодежь те же ошибки сделает. Опять Земля отомстит...

– Да не будет этого, – фыркнул логист, удаляясь.

– Наши предки тоже так думали, – хмыкнул Анарбек, устремив задумчивый взгляд на садящееся солнце.

– Это неизбежно, – протянул старик, поправляя клапан рюкзака и выпрямляясь. – Мы всегда совершали, и будем совершать одни и те же ошибки. И никогда их не поймем со слов других, пока не почувствуем их сами... Это наша, человеческая, судьба...

Караванщик перевел на него задумчивый взгляд, после чего его пухлые губы тронула улыбка.

– Меня зовут Анарбек Уджаев. – сказал он, подходя ближе к путнику и протягивая руку.

– Игорь Коновальцев, – ответил старик пожимая её.

– Есть просьба у тебя? – спросил Уджаев.

Я невольно переступил с ноги на ногу. Давно я не слышал предложения «просьбы». Ещё лет десять назад, когда я только начал заниматься этим делом, караванщики охотно задавали этот вопрос людям, явно нуждающимся в помощи. Но в последнее время подобное происходило всё реже. Во всяком случае, лично я давно такого не слышал.

Губы старика тронула еле заметная улыбка.

– Я так понял, вы идёте на запад?

– На запад, – протянул Уджаев, выжидающе посмотрев на Игоря.

– Мне как раз в те края, возьмите попутчиком, на день, может два.

Проблем не будет, гарантирую.

Анарбек сощурил свои и без того узкие глаза.

– Там на сотни квадратных километров лишь мертвые поселки же. И старое русло Урала, зачем тебе туда?

– Я же говорю, повидать друга...

– Хороший друг значит, раз ты готов так рисковать.

Старик Игорь поправил шляпу и кивнул.

– С одним ножом идёшь? – недоверчиво спросил Уджаев.

– Если не дать страху поселиться в своем сердце, то и ножа достаточно, – ответил Коновальцев.

– Хорошо сказал, – кивнул купец. – Будь гостем моего каравана, пойдём, пойдём.

И Анарбек приглашающее развёл руками, указывая на свою повозку.

– Мир не без добрых людей, – улыбнулся путник и, подняв с земли рюкзак, последовал за ним.

– Вот держи, – буркнул уже вернувшийся Азамат, протягивая старику флягу и бурдюк, на котором поблескивали капельки воды.

– Держать? Зачем держать? – улыбнулся купец. – Он с нами поедет. Давай, неси назад.

Логист недоуменно замер на месте.

Я так и не мог понять, почему его постоянно всё раздражает. Даже сейчас было видно, как сильно он стиснул зубы, подавляя злобу.

Но лично я был рад такому решению Уджаева. Старик был явно не так прост, как казался, и что-то мне подсказывало, что от него можно было узнать много интересного...

...Лагерь готовился ко сну. Солнце уже давно спряталось за горизонт. Дневная жара уступила место приятной ночной свежести. Лёгкий степной ветерок иногда касался лица слабым порывом, принося множество пряных запахов степных трав.

Повозки были составлены в круг. Между возвышающимися на пару метров турелями, на каждой из них, был протянут толстый электрический кабель. Горел десяток дежурных фонарей, запитанных от аккумуляторов. Несколько человек уже заступили в караул, изредка о чём-то перекикиваясь с верхнего яруса телег.

В центре лагеря, прямо напротив юрты Уджаева, горел большой костёр, на котором совсем недавно был приготовлен бешбармак. Ещё несколько костров поменьше тихо потрескивали по всему лагерю.

Люди разбились на кучи. Кто-то в полголоса обсуждал события дня, кто-то давно спал, завернувшись в кошму. В импровизированном загоне, созданном из заранее заготовленных секций, тихо сопели мулы. Особо голодные из них до сих пор жевали сено, подающееся из кормовой телеги через специальные прорези в борту.

А над головой было огромное, кажущееся бескрайним, звездное небо. Каждую ночь пути я не устал им любоваться. Может мне так повезло, а может, это было особенностью этих мест, но ни какое облачко или тучка никогда не заслоняли небосвод. Множество звёзд было словно выплеснуто на чёрное полотно, куда ни глянь. Словно кто-то растянул огромный кусок этой искрящейся материи от одного края горизонта до другого.

В своих родных краях мне никогда не удавалось наблюдать такое большое количество звёзд. Если долго смотреть на ночное небо, то начинало казаться, что достаточно вытянуть руку и можно будет потрогать этот искрящийся бархат... А возможно тебя попросту затянет в эту переливающуюся мужеством холодных бликов черноту...

Воздух был заполнен стрёкотом ночных насекомых и приглушенными голосами караванщиков. Я поправил дробовик, лежащий на коленях, и поставил свою плошку на сухую траву рядом с кошмой.

Очередной порыв ветерка заставил трепетать огонек нашего костра, горящего в небольшом углублении, вырытом в земле. Я дотянулся до кучки дров и подкинул в огонь пару небольших обломков стволов переродившегося кустарника.

— Тебе на смену когда? — спросил Столяров, допивая через край шурпу из своей плошки.

— Через три часа, — ответил я отправляя в рот кусочек вяленой говядины из своих личных запасов.

Не смотря на то, что Уджаев предоставлял, как и было оговорено контрактом, двух разовое питание, я всё равно предпочитал иметь свой небольшой запас. Во-первых, всегда можно было перекусить в течение дня, а во-вторых, бешбармак был очень жирным. И я достаточно давно занимался охраной караванов, чтобы понимать, что приучать себя к новому пищевому рациону, всегда стоит постепенно, что бы избежать вех возможных печальных последствий.

Баранину из своей порции я съел уже давно, изрядно разбавив её ржаным хлебом, а вот тесто и жирную шурпу смог осилить только до половины. Конечно, мне давно следовало лечь спать, но у меня никак не выходил из головы это загадочный старик Игорь.

Весь остаток пути до вечерней остановки он провел в телеге Уджаева. Пока мы занимались постановкой каравана на ночлег, его не было видно. И уже когда солнце опустилось за горизонт я, проходя мимо юрты Анарбека, чтобы пополнить собственную флягу, заметил, что старика пригласили за достархан, как почётного гостя.

И вот через пару часов Игорь Коновальцев пришёл к нашему костру. Усевшись на толстый кусок кошмы и, положив рядом свою палку-посох, он поднял ворот своего плаща. Потом посильнее надвинул

шляпу на глаза, и, подперев спину рюкзаком, долго смотрел на колышущиеся языки пламени.

От предложенной мной говядины, он вежливо отказался, сославшись на то, что я молодой и мне силы нужнее. Илья никак не прореагировал на его появление, лишь поинтересовался, почему старик не остался на ночлег в юрте Анарбека. На что Игорь отшутился, что там слишком душно, а он больше привык к свежему воздуху.

Впрочем, лично я был уверен, что ему просто надоело наблюдать вечно раздражённое лицо логиста, который обычно в это время делал каждодневный отчёт о состоянии каравана и расходе ресурсов.

Понимая, что я всё равно не усну, пока не поговорю с этим одиноким путником, я поправил накиннутую на плечи камуфляжную куртку и начал разговор.

– Выходит, вы Великую Катастрофу застали?

Обращение «Вы» прозвучало как-то неловко и сильно разрушило гармонию окружающей степной ночи. Но ничего не поделаешь, мы уже один раз утратили уважение к себе подобным и произошли непоправимые изменения...

От звука моего голоса старик вынырнул из своих мыслей, и, слегка приподняв шляпу, ответил:

– Да.

Теперь его голос звучал не таким усталым и хриплым. Утолив жажду и чувство голода, путник буквально физически окреп. Когда он сидел или шёл по лагерю, определить его возраст было достаточно проблематично. Разве что годы всё равно брали своё, и их уже было невозможно скрыть, когда он садился или вставал, опираясь на свою палку.

– Расскажите, как это было?

Старик Игорь хмыкнул и посмотрел на меня.

– Тебе твои родители или бабушки с дедушками не рассказывали?

– Мои родители ещё не родились, когда это произошло, а бабушки и дедушки погибли, когда я был слишком мал, – ответил я, откусывая кусочек говядины. – Немного знаю, конечно, с чужих слов, картины художников видел. Но всё равно интересно же от живого очевидца услышать.

– Ну, это да, живой рассказ всегда интереснее, – согласно кивнул старик.

– Это смотря кто рассказывает, – заключил Столяров, который вообще обычно молчал. Из этого я сделал вывод, что ему тоже интересно услышать, что расскажет Коновальцев.

– Я был совсем мальчиком. Семь лет мне было, – начал Игорь немного поёрзав на своей кошме. – Если честно, мало что с этого возраста помню, чтобы вот так чётко в деталях. А это... Стоит глаза закрыть и также ясно вижу, как вот вас сейчас. Будто выжгло в мозгу эту картину...

Это было вечером. Большой город, много домов. Солнце отражается в стеклах таким мягким жёлтым светом. Мы с пацанами в войнушку играем, между гаражей бегаем... Смеёмся, спорим, кто кого «убил»... И тут, как сейчас помню, я около песочницы останавливаюсь, и смотрю – тени исчезают... Солнце гаснет, словно кто-то свет в комнате медленно убавляет. Мы с пацанами замерли, все на небо смотрим, а оно как какой-то рябью серой покрывается.

Жизнь замерла в одну минуту. Машины останавливаться начали, люди в окна повысовывались, а мы стоим, смотрим на небо и не понимаем, что это. За минуту стемнело, будто ночь настала. Даже фонари, которые были со светочувствительными датчиками, сработали и загорелись.

Люди кругом стоят, кто смеется, кто нервничает, а кто недоуменно говорит «Затмение что ли?». А потом такой грохот раздался! И самая настоящая трещина по всему небу, как молния! Как сейчас её вижу, ярко-оранжевая, будто весь мир кто-то разломить на две половинки пытался!

А грохот такой сильный был, что стекла начали лопаться. Я за уши схватился и на землю упал. Все кругом кричат, бегут, запинаются друг о друга, машины сталкиваются. А эта трещина, ну действительно как молния самая настоящая, только больше в тысячи раз, от одной стороны горизонта до другой, мечется по всему небу! То так проскользнет то так. И вспышки такие яркие... Грохот, земля затряслась, а потом как ударная волна откуда-то сверху начала опускаться. Темные такие облака... Не знаю, что это было. То ли пыль, то ли частицы какие-то космические, не знаю. Но самые настоящие облака... Опускаются прямо сверху на город. Куда голову не поверни – везде в просвет крыш видно как они стремительно приближаются.

Ох и страшно же мне стало... Я закричал, заплакал... На ноги вскочил и домой побежал, к маме... Будто она помочь могла...

Старик Игорь тяжело вздохнул и почесал пальцами морщинистую щеку.

– Дети же жизни ещё не знают... – задумчиво продолжил он. – Вот мы только что играли в войнушку, доказывали, кто кого «убил», всё было веселой игрой и неправдой. И вот уже я, забыв про друзей, про всё на свете, скорее бегу к маме... Потому что мама остановит любое зло, мама защитит...

Успел я только в подъезд заскочить, как эти облака черные на землю опустились, словно пыльная буря, только страшнее раз в сто... Такой рев стоял на улице, что собственного крика неслышно было. Ветер со свистом в подъезд врывался. Дверь железную с петель сорвало... И повсюду эти частицы черные... Сквозь них ещё, поначалу, вспышки от

трещины этой пробивались, а потом наступила мгла. Самая настоящая, как в безлунную облачную ночь бывает... Когда руку вытянешь, а руки не видно...

Я запнулся о ступеньки, упал. Не вижу ничего, но реву... и вверх по ступенькам ползу. Вокруг гул этот, рёв, и страх. Такой страх, что аж кишки выворачивает. Вот тогда я видимо его на всю жизнь и натерпелся... Никогда больше ничего так сильно не боялся...

Коновальцев замолчал. Все его слова буквально оживали в моей голове. И хоть я никогда не видел городов до Великой Катастрофы, но под воздействием его рассказа, у меня начало складываться представление, как это всё могло быть. На какое-то мгновение, мне даже самому показалось, что это вовсе не семилетней Игорь бежит домой к маме, а я сам спасаюсь от чего-то страшного и непостижимого.

– А что потом? – осторожно нарушил я воцарившуюся тишину.

– А потом... – Игорь хмыкнул. – Потом я сознание потерял. А когда очнулся, мир стал уже таким, как сейчас...

– А что с людьми стало? – спросил Столяров, подкидывая в огонь ещё пару веточек.

– Погибли все. Кругом, куда не посмотри. Лежали как черные манекены жирной сажей натертые. Поблескивали. У меня дома никого живого не было. Я даже кота почерневшего в углу под столом потом нашёл, куда он, видимо, со страха забиться успел. Со всех наших девятиэтажек человек пять уцелело. Неизвестно почему.

– Я слышал, что так Земля от зла очистилась, – заметил я, чтобы поддержать интерес старика Игоря продолжать рассказ. – Что погибли только те, кто того заслуживал.

Коновальцев откинулся на рюкзак и добродушно засмеялся, обнажая ряд вполне ещё крепких зубов. Я тоже улыбнулся и выжидающе на него посмотрел.

– Глупости это всё, – отмахнулся он. – Вот чем мои друзья, мальчишки по пять-восемь лет, успели смерти заслужить? А родители мои? Всё это ерунда. Просто потом уцелевшим надо было найти хоть какой-то смысл в всё произошедшем... Вот такой и придумали. А те, кто мог хоть немного это объяснить, ну, учёные разные, попросту этот день не пережили.

Да и к тому же, если бы все «плохие» люди, «достойные» смерти тогда погибли, разве бы мир не стал лучше? А ты, я смотрю, вот со своим ружьем уже сроднился. А это явный показатель того, что жить стало спокойнее...

И с этими словами Игорь хитро подмигнул мне.

– То есть, вы думаете, что всё это зря было? – хмыкнул я.

– Знаешь, я так долго над этим думал, что порядком надоело. Чего